

Н. Г. Петрова

**Типы регулятивных структур в поэтических текстах А. А. Ахматовой
(на материале сборника «Вечер»)**

Проблема адекватного восприятия, понимания и интерпретации текста является ключевой для ряда дисциплин, и не только лингвистических. Связано это прежде всего с тем, что текст — необходимый элемент любого акта вербальной коммуникации.

И литературоведы, и лингвисты при изучении художественного текста в последние годы исходят из положения, что автор, создавая произведение, ориентируется на читателя (см., например: [3, с. 13], [8] и др.). При этом вопрос о средствах и способах, обеспечивающих понимание, остаётся до сих пор нерешённым. Ср., в частности, точку зрения В. В. Прозорова: «Независимо от субъективных признаний художника, вероятный читатель — объективно существующая, определяющая творчество сила, это читатель, живущий в авторе (от эпика, драматурга или публициста до сокровеннейшего из лириков). Формы проявления читателя-адресата, способы их обнаружения в самой идейно-художественной структуре — область почти неисследованная» [9, с. 108].

С позиций одного из интенсивно разрабатываемых направлений коммуникативной стилистики текста — теории регулятивности (см. о ней: [3], [4] и др.) ведущая роль в организации деятельности читателей, направленной на постижение коммуникативной и эстетической сущности художественного произведения, принадлежит лексическим регулятивам.

Лексический регулятив трактуется нами как совокупность языковых средств лексического уровня (включая и сверхсловные образования) в их текстовом воплощении, сознательно структурированная автором для

организации читательской деятельности. Именно лексические регулятивы формируют в сознании читателя некоторую мыслительную структуру, соотносительную с определенным «микросмыслом» и прагматическим зарядом.

Согласно предложенной нами типологии лексических регулятивов, учитывающей текстовый уровень, на котором они реализуют свою /75/ регулятивную функцию, выделяются: заглавие, организующее познавательную деятельность читателя на уровне целого текста; регулятивные цепочки, значимые для постижения смысла на уровне высказывания; лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приёме синтаксического параллелизма как частном случае повтора, активизирующие деятельность читателя как на уровне блока высказываний, так и целого текста [6].

Цель данной статьи состоит в рассмотрении особенностей лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме, в поэтических текстах А. А. Ахматовой.

Материалом для исследования послужил первый сборник стихов А. А. Ахматовой («Вечер»), вышедший в 1912 году [1].

Необходимо отметить, что лексические регулятивные структуры, основанные на стилистическом приёме синтаксического параллелизма как частном случае повтора, представляют собой неоднородное явление. Во-первых, это объясняется существованием двух типов параллелизма (полного и неполного). Заметим, что термин «полный параллелизм» условен, поскольку, как справедливо указывал М. М. Бахтин, «В пределах одного и того же высказывания предложение может повториться..., но каждый раз это новая часть высказывания, ибо изменилось его место и его функция в целом высказывании» [2, с. 287]. Среди регулятивных структур, основанных на неполном параллелизме, выделяются три вида: регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме, заключающемся в замене одного из членов; регулятивная структура, организованная по типу неполного параллелизма с усечением, и регулятивная структура, основанная на неполном

параллелизме с распространением. Во-вторых, члены параллели (повторяющихся высказываний или их фрагменты), образующие лексическую регулятивную структуру, могут располагаться в тексте как контактно, так и дистантно. (Подробнее о типах и видах лексических регулятивных структур см., например: [7, с. 41–44].)

Наблюдения показали, что для поэтических текстов А. А. Ахматовой, вошедших в сборник «Вечер», характерны лексические регулятивные структуры с дистантным расположением членов параллелей; регулятивные же структуры, основанные на принципе параллелизма (как полного, так и неполного), с контактным расположением членов параллелей отсутствуют.

Расположенные дистантно, совпадающие (в различной степени) высказывания не только обеспечивают интеграцию текста за счёт создания внутритекстовых связей, но и служат средством «управления» /76/ познавательной деятельностью читателя, так как удерживают его внимание на важных, с точки зрения автора, моментах.

Так, в стихотворении «Память о солнце в сердце слабеет...» формально имеет место лексическая регулятивная структура, основанная на полном параллелизме, с дистантным расположением членов параллели:

*Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.*

*В узких каналах уже не струится –
Стынет вода,
Здесь никогда ничего не случится, –
О, никогда!*

*Ива на небе кустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.*

*Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.*

Как видно, «полный» параллелизм возникает благодаря анжамбману.

Если в первой реализации параллели фиксируется внимание на ощущениях, возникающих при наступлении поздней осени, то во второй – в большей мере на душевном состоянии лирической героини, пережившей разрыв с любимым или близким человеком. Таким образом, лексическая регулятивная структура, основанная на полном параллелизме, с дистантным расположением параллелей, кроме экспрессивной функции, выполняет ещё и сопоставительную: позволяет увидеть общность двух разных состояний не только в эмоциональном плане, но и физическом.

Следует отметить, что среди регулятивных структур с дистантным расположением параллелей в сборнике стихов А. А. Ахматовой «Вечер» чаще встречаются регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме.

/77/ Например, в стихотворении «Сад» в дистантно расположенных членах параллели лексической регулятивной структуры, основанной на неполном параллелизме, происходит замена лексической единицы “*бледный*” на “*мёртвый*”, тем самым актуализируется не только сема 'лишённый яркости', но и сема 'безжизненный / лишённый признаков деятельности'. Этому также способствует постпозиция лексической единицы “*мёртвый*” по отношению к слову “*тусклый*”:

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик –
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лёд ещё сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

См. приведённое выше стихотворение А. А. Ахматовой «Память о солнце в сердце слабеет...», в котором также есть регулятивная структура, основанная на неполном параллелизме с усечением:

*Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.*

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.

/78/ Поэтические тексты, в которых бы употреблялись лексические регулятивные структуры, основанные на неполном параллелизме с распространением, нам не встретились.

Нередко дистантно расположенные члены параллели образуют регулятивную структуру особого типа – *регулятивную рамку*, служащую для организации познавательной деятельности на уровне блока высказываний или на уровне целого текста.

Выделение названной регулятивной структуры основано на понятиях автосемантии и синсемантии предложений [5, с. 79–80] с учётом их тематической соотнесенности. Высказывания, образующие регулятивную рамку, являются автосемантическими. Часть текста, ограниченная регулятивной рамкой, представляет собой регулятивное единство, поскольку состоит из ряда синсемантических высказываний, содержащих формально выраженные связи и направленных для достижения определенной коммуникативной задачи в рамках общей коммуникативной программы текста.

В зависимости от совпадения членов параллели регулятивные рамки могут быть конгруэнтными (от лат. *congruens* – совпадающий) и частично конгруэнтными. Конечно же, выделение конгруэнтной рамки в известной мере условно, так как совпадающие буквально высказывания имеют или разный смысл в пределах одного текста, или разную эмоциональную тональность.

Наблюдения показали, что частично конгруэнтная рамка с заменой одного из членов встречается в стихотворении А. А. Ахматовой «Музе». Регулятивная рамка данного вида на уровне целого текста акцентирует

внимание читателя на сложном выборе, который приходится сделать лирической героине между призванием (быть поэтом) и женским счастьем:

*Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд её ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.*

Муза! ты видишь, как счастливы все –
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

/79/ Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

*Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».*

Если взгляд Музы-сестры в первой реализации параллели «ясен и ярок», то результат принятого лирической героиней решения, что называется, “налицо”: её взор «не ясен, не ярок».

Рассмотренный в статье материал позволяет сделать некоторые выводы.

1. На уровне коммуникативных блоков и целого текста в сборнике стихов «Вечер» А. А. Ахматова хоть и не так часто, как поэты-символисты (см. об этом: [7]), употребляет лексические регулятивные структуры, основанные на принципе синтаксического параллелизма как частном случае повтора. Данные структуры представляют собой те “слагаемые” художественно-словесной ткани, назначение которых, как отмечает В. В. Прозоров, – «особым образом, “сознательно” завладеть читательским вниманием, управлять им, непосредственно привлекать к себе читательский интерес» [9, с. 109].

2. Для поэтических текстов первого сборника стихов А. А. Ахматовой не характерны лексические регулятивные структуры с контактным расположением членов параллели.

3. Практическое отсутствие лексических регулятивных структур, основанных на полном параллелизме как с контактным расположением членов параллели, так и с дистантным, включая конгруэнтную рамку на уровне текста и коммуникативных блоков, с нашей точки зрения, можно объяснить тем, что данные регулятивные структуры направлены в первую очередь на создание эмоциональной тональности произведения, в то время как акмеисты, к числу которых принадлежала и А. А. Ахматова, в большей мере стремились отразить сходство разных ситуаций, состояний и т. д.

Перспективы исследования видятся в привлечении для анализа стихотворений, вошедших в последующие сборники стихов А. А. Ахматовой («Чётки», «Белая стая», «Подорожник» и др.). Это позволит получить более точные данные об особенностях идиостиля А. А. Ахматовой в плане организации читательской деятельности на уровне коммуникативных блоков /80/ и целого текста за счёт лексических регулятивных структур, основанных на синтаксическом параллелизме как частном случае повтора.

Список использованных источников.

1. *Ахматова, А. А.* Собр. соч.: в 2 т. / А. А. Ахматова. – М.: Правда. Огонёк, 1990. – Т. 1. – 448 с.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 318 с.
3. *Болотнова, Н. С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312 с.
4. *Болотнова, Н. С.* Регулятивность / Н. С. Болотнова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 328–331.

5. *Зарубина, Н. Д.* Языковые сигналы структуры связного текста и их использование в смысловом восприятии / Н. Д. Зарубина // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – С. 79–83.

6. *Петрова, Н. Г.* Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Д. Бальмонта: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. Г. Петрова. – Томск, 2000. – 23 с.

7. *Петрова, Н. Г.* К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности / Н. Г. Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Вып. 6 (96). – С. 39–45.

8. *Прозоров, В. В.* Художественный текст и читательское восприятие (к теории вопроса) / В. В. Прозоров // Науч. докл. высш. шк.: Филологические науки. – 1978. – № 1. – С. 11–17.

9. *Прозоров, В. В.* Читатель и литературный процесс / В. В. Прозоров // Введение в литературоведение. Хрестоматия: Учеб. пособие / Сост.: П. А. Николаев, Е. Г. Руднева, В. Е. Хализев, Л. В. Чернец, А. Я. Эсалнек, Е. А. Цурганова; / Под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 108–109. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=3&raz=6&pod=1&par=11> (дата обращения: 10.06.2011).